

Научная статья

УДК 81'42:82-3:27

DOI 10.17223/18137083/87/7

**Библейский дискурс
в ближневосточной прозе С. С. Кондурушкина
1900-х – начала 1910-х годов**

**Олег Ефимович Осовский¹
Светлана Анатольевна Дубровская²**

¹ Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова
Москва, Россия

² Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

¹ osovskiy_oleg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9869-3233>

² s.dubrovskaya@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5660-8977>

Аннотация

Рассматривается процесс формирования библейского дискурса в ближневосточной прозе С. С. Кондурушкина в 1900-х – начале 1910-х гг. Отмечено, что пребывание писателя на Ближнем Востоке стало импульсом к художественному воплощению ближневосточной повседневности в циклах его рассказов, публиковавшихся в «Русском богатстве». Библейский дискурс, как указывают авторы, формируется в прозе Кондурушкина поэтапно. Первоначально это средство, с помощью которого читатель опознает описываемые библейские места, чувствует древность современных ближневосточных ландшафтов. В повестях «Моисей» и «Потомки Царя Иудейского» создание библейского дискурса становится авторской стратегией, важнейшую роль в которой играет реализация библейского сюжета и библейского хронотопа.

Ключевые слова

С. С. Кондурушкин, библейский дискурс, ближневосточный текст русской литературы, «Сирийские рассказы», «Моисей», «Потомки Царя Иудейского»

Для цитирования

Осовский О. Е., Дубровская С. А. Библейский дискурс в ближневосточной прозе С. С. Кондурушкина 1900-х – начала 1910-х годов // Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 71–85. DOI 10.17223/18137083/87/7

© Осовский О. Е., Дубровская С. А., 2024

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 71–85
Siberian Journal of Philology, 2024, no. 2, pp. 71–85

Biblical discourse in the Middle Eastern prose of S. S. Kondurushkin during the 1900s and early 1910s

Oleg E. Osovskiy¹, Svetlana A. Dubrovskaya²

¹ Plekhanov Russian University of Economics
Moscow, Russian Federation

² National Research Mordovia State University
Saransk, Russian Federation

¹ osovskiy_oleg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9869-3233>

² s.dubrovskaya@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5660-8977>

Abstract

The discourse of the Bible plays a prominent role in shaping the narrative of Russian literature in the Middle Eastern context during the turn of the nineteenth and twentieth centuries. This paper focuses on the Biblical discourse being formed within the Middle Eastern prose of S. S. Kondurushkin from the 1900s to the early 1910s. It is the time spent by the writer in the Middle East that motivated him to capture the essence of daily life in the region through a series of stories published in “Russkoe Bogatstvo” magazine. The Biblical discourse acquires its own artistic specificity in the works of Kondurushkin. In his early prose, the discourse is presented indirectly, partly contextually, helping the reader “recognize” the places described, giving him a sense of the “oldness” of contemporary Middle Eastern landscapes. During the late 1900s and early 1910s, the writer’s strategic use of Biblical discourse in the stories “Moses” and “Descendants of the King of Judah” emerges as a unique artistic undertaking. Kondurushkin incorporates the narratives found in the Old and New Testament, along with the presence of the Biblical chronotope. Equally important is the choice of Biblical characters. Moses plays a central role in “Descendants of the King of Judah,” driving the plot and shaping its development. The characters in the story serve to depict the shift in narrative focus, transitioning from mythological heroism to a more emphasized account of everyday life in the distant past, all set against the backdrop of the Gospel myth.

Keywords

S. S. Kondurushkin, Biblical discourse, Middle Eastern text of Russian literature, “Syrian Tales”, “Moses”, “Descendants of the King of Judah”

For citation

Osovskiy O. E., Dubrovskaya S. A. Biblical discourse in the Middle Eastern prose of S. S. Kondurushkin during the 1900s and early 1910s. *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 2, pp. 71–85. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/87/7

Имя Степана Семеновича Кондурушкина (1874/75–1919) сегодня относится к числу практически забытых, хотя в 1900–1910-е гг. оно было хорошо знакомо читателям. Утвердившийся на литературном поприще во второй половине 1900-х гг., он стал одним из заметных участников литературного процесса этого времени, практически на равных ощущавшим себя в диалоге с А. М. Горьким, И. А. Буниним, А. И. Куприным, И. С. Шмелевым, В. В. Розановым. Не менее примечательно и участие писателя в самых значительных событиях политической и интеллектуальной жизни России – освещение выборов в Государственную Думу, дела Бейлиса; выступление в Религиозно-философском обществе, участие в качестве военного корреспондента в Первой мировой войне. Критика довольно живо реагировала на творчество писателя, в частности откликами И. Ф. Аннен-

ского, М. О. Гершензона, А. И. Куприна, И. А. Бунина и А. М. Горького, реакцией не только столичной, но и провинциальной прессы [Дубровская, Владимирова, 2022].

Представляют интерес и «сибирские страницы» биографии С. С. Кондурушкина, в их числе его служба в годы Русско-японской войны в должности смотрителя полевого запасного госпиталя в Иркутске, переписка с сибирскими писателями, искавшими его поддержки в Петербурге в 1910-е гг. В середине ноября 1918 г. Кондурушкин приезжает в Омск, где еще успеваает принять участие в литературной жизни города. В январе 1919 г. он умирает в железнодорожной больнице под Омском, о чем сообщала 12 января 1919 г. газета «Сибирская речь». В том же номере появился и некролог, написанный известным критиком С. А. Ауслендером.

Нельзя сказать, что после смерти писателя его имя и тексты полностью исчезли из историко-литературного пространства России. Петроградский «Вестник литературы» откликнулся на его кончину дважды [А. К., 1919; Кондурушкина, 1919]. В советское время была опубликована его переписка с В. Г. Короленко [Короленко, 1936] и А. М. Горьким [Переписка..., 1988]. В последние десятилетия предпринимались усилия для того, чтобы представить личность, биографию и творчество Кондурушкина в контексте его эпохи, тем самым заполнив отдельные лакуны в истории отечественной литературы, в частности обозначить вклад писателя в формирование ближневосточного нарратива отечественной словесности начала XX в. [Владимирова и др., 2021; Дубровская и др., 2021; Завельская, 2011; Чуваков, 1994; Щавлинский, 2021]. Последнее особенно важно на фоне поиска новых форм презентации Палестины и Иерусалима [Ordinary Jerusalem..., 2018; Imaging and Imagining Palestine..., 2021].

Цель нашей статьи – проанализировать роль писателя в формировании библейского дискурса ближневосточного текста русской литературы рубежа XIX–XX вв. В связи с этим необходимо определить причины интереса писателя к ближневосточной проблематике, обосновать закономерность поворота от описания ближневосточной повседневности к реконструкции мифоисторического прошлого Палестины и Сирии и оформления в этом процессе библейского дискурса.

Начало литературного творчества Кондурушкина связано с Ближним Востоком. Направленный Императорским Православным Палестинским Обществом в 1898 г. в учительскую семинарию в Назарете, 24-летний выпускник Казанского учительского института оказался в совершенно неведомом для него мире. За пять лет пребывания здесь он хорошо узнал нравы и обычаи сирийских христиан, друзов, мусульман, русско-европейскую общину Дамаска, жизнь арабских детей, воспринял экзотику нового мира, легенды и предания, овладел арабским языком. Всё это послужило материалом для первых литературных опытов – от журнальных заметок до статей, рассказов и очерков. Однако попытка опубликовать на страницах «Русского богатства» литературную сказку вызвала критику В. Г. Короленко, обосновавшего отказ в публикации следующим образом: «мысль неясна, образы неопределенны» [Короленко, 1936, с. 129–130]. Вместе с тем Короленко предложил молодому автору «вместо туманных аллегорий <...> попытаться познакомить читающую публику с особенностями той жизни», которая его окружает [Там же]. Следуя этому совету, Кондурушкин в ближайшие годы сосредоточился на воспроизведении окружавшей его повседневности. В результате на страницах «Русского богатства» в 1902–1903 гг. были опубликованы циклы его ближневосточной прозы, впоследствии составившие основу сборника «Сирийские

рассказы». Ближневосточная проблематика остается в центре внимания писателя и во второй половине 1900-х – начале 1910-х гг., появляясь в его рассказах, повестях и путевых очерках. Тем самым Кондурушкин оказывается в одном ряду с создателями ближневосточного нарратива русской словесности – интерпретаторами библейского мифа – от Л. Н. Андреева, И. А. Бунина, А. И. Куприна до А. Белого, К. Бальмонта и др. Это потребовало от автора не только понимания культурфилософских и историсофских аспектов избранного сюжета, но и реализации новых художественных подходов.

Возникновение в его ближневосточной прозе библейского дискурса закономерно: с его помощью автор дает читателю возможность увидеть некие точки «узнавания», разглядеть в пространстве ближневосточной экзотики знакомые с детства библейские образы, имена и названия. Под библейским дискурсом мы понимаем тот тип художественного высказывания, который непосредственно связан с сюжетикой и проблематикой Ветхого и Нового Завета. Соответственно, в нем присутствуют либо библейский сюжет в самом широком смысле слова (от собственно библейских событий до имен героев и соответствующих аллюзий к ним), либо библейский хронотоп, реализующийся через мифоисторическое время Библии и ее топографию.

Если библейская сюжетика не нуждается в специальном комментарии, то вопрос о библейском хронотопе требует определенных пояснений. Примечательно постепенное превращение в прозе Кондурушкина ближневосточного хронотопа в библейский. Формирование библейского дискурса здесь имеет определенную последовательность: на первом этапе это «привязка» событий сегодняшней жизни к библейскому прошлому в виде упоминания ветхозаветных и евангельских имен и географических названий, на втором – опыт реалистической реконструкции конкретного библейского мифа. Если первый этап в полной мере находит отражение в «Сирийских рассказах», то второй – в повестях «Моисей» и «Потомки Царя Иудейского». Здесь происходит, по терминологии М. М. Бахтина, примечательная встреча «малого времени» своей современности и «большого времени» библейской истории. Именно библейский хронотоп, обнаруживающий себя самым разным образом в «Сирийских рассказах» и в названных повестях, играет в этой встрече важнейшую роль.

Отметим, что предложенная Бахтиным в названии работы «Формы времени и хронотопа в романе» формулировка подчеркивает особый статус времени, его автономности, даже в рамках того пространственно-временного синтеза, который образует хронотоп [Бахтин, 2012, с. 341]. Для библейского хронотопа очевиден фактор библейского времени, т. е. того понимания времени, его условности, которое свойственно для книг Ветхого Завета, где время конкретного события сочетается с большим временем внеисторического божественного его измерения. Собственно, и время Нового Завета, его привязанность к Рождеству Христову сочетается с определенной хронологической условностью, подчиняющейся законам мифоистории [Элиаде, 2002; Кассирер, 2002].

Для Кондурушкина такое ощущение библейского времени оказывается принципиально важным. Однако не менее значимо для него понимание того, что время сегодняшних Палестины и Сирии не просто существует в реальном пространстве реальной жизни, но сосуществует с мифоисторическим временем прошлого. Можно сказать, что это время «без времени», которое почти не ощущается народами ближневосточного региона.

В завершающей сборник «Сирийские рассказы» новелле «На рубеже пустыни» автор объясняет, почему сегодняшний Восток слеп и глух к своему прошлому:

Все народы древнего мира приходили сюда, к подножию Антиливана с дарами своего гения: древний Египет, Финикия, Индия, Персия, Греция и Рим принесли свою культуру <...> Всё умерло здесь! [Кондурушкин, 1908, с. 218].

Смена культур, религий, народов, которая происходит за многие тысячелетия существования региона, конечно же, вырабатывает свою философию времени, свое отношение к прошлому, почти не ощущаемому в сравнении с настоящим:

Как крепко заснул под деспотическим гнѐтом своих правителей и под ласками благодатной природы этот талантливый чуткий народ! [Там же].

Именно поэтому Кондурушкину-писателю, восстанавливающему реальность ближневосточного настоящего и ближневосточного прошлого, гораздо важнее изображение пространства, той природы, в которой существует сегодняшний человек, тех ландшафтов, которые он видит и которыми восхищается. Но почти незаметно расставляемые им в этих описаниях «библейские метки» (упоминания мест, городов и др.) дополняют создаваемые им хронотопы соответствующей мифоисторической атмосферой.

В сирийских рассказах задействована одна и та же модель повествования: сюжет разворачивается на фоне величественной природы, описание которой призвано подчеркнуть мимолетность и суетность происходящего и опосредованную связь сегодняшних событий с миром великого прошлого. Так, в открывающем сборник рассказе «Хараба» отправная точка маршрута – библейский Тир – и конечная – Дамаск – позволяют повествователю и его читателю ощутить библейскую древность ливанских гор, по тропинкам которых проходит ночное путешествие:

Осенью, при проезде из древнего Тира (теперь называется Сур) сухопутьем в Дамаск, я запутался в бесконечных отрогах Ливана, который в этом месте разветвился и смешался с отрогами своего родного брата, Антиливана [Там же, с. 3].

В сознании рассказчика прошлое оживает вместе с ночной природой, когда скалы начинают походить на сказочных исполинов:

Серые, немые днѐм, скалы теперь, как будто, ожили, задвигались тѐмными массами... Казалось, какие-то гиганты шѐпотом ведут таинственную беседу, постукивают костлявыми руками, мелькают во мраке страшными глазами впадинами... Когда мы подъезжали ближе, они мгновенно опять каменели в тех положениях, в каких мы их заставали: с приподнятыми руками, с оскаленными зубами, сидя или стоя...

Дик и бесконечно разнообразен вид серых немых скал в горах Ливана [Там же, с. 4–5].

Не станем утверждать, что подобная атропоморфность ливанских скал является скрытой аллюзией к древнегреческому мифу о гекатонхейрах, однако кажущаяся подвижность гор, то оживающих, то застывающих, напоминает о тысячеклетней древности ничуть не меньше, чем слова главного героя – Ивана Казимировича, доверяющего собеседнику трагическую историю своей любви.

Повествуя о гибели героини, вина в ее смерти жестокие нравы и обычаи местного племени, он не случайно подчеркивает их тысячелетнюю древность:

Они прекрасны и жестоки, как дети... Впрочем, может быть, именно эта жестокость и хранит их целые тысячелетия... [Кондурушкин, 1908, с. 8].

Останки величественного прошлого встречаются в сирийских рассказах на каждом шагу: развалины древней крепости или горного монастыря, языческие храмы и др. Хотя Кондурушкину чужда неоромантическая готика, переключка с ней отчетливо проступает в словах героя:

Хауран – это кладбище греко-римской жизни. Ушли люди, землетрясения разрушили дома, всё пришло в запустение. Ходишь иногда под темными сводами заброшенной крепости, и жутко станет, точно в гроб зашёл [Там же, с. 9–10].

В свою очередь, отправной точкой поездки повествователя в рассказе «Шагин Хадля» становится Тивериадское озеро. словно упомянутое мимоходом, оно является совершенно не случайно, и автор еще раз напомнит о нем, воссоздавая величественную картину, открывающуюся ему с горных вершин:

Далеко внизу, под нашими ногами, клубились и волновались белые облака, как снежные поля моей обширной и холодной родины. <...> На юге все мелкие горы слились для взора в одну равнину, на которой лежали зеркала Мерома, Тивериады, Мёртвого моря.

Я смотрел, как далеко-далеко разбегались во все стороны горы, как искрились и сверкали, точно алмазы, на солнце речки и ручьи, как расширилось небо над Сирией и Палестиной, а солнце, вечное солнце, приветливо смотрело с синего неба [Там же, с. 91–92].

Этот взгляд с высоты птичьего полета не случаен. Так же смотрел на этот мир в известном евангельском эпизоде Христос, о чем повествователю тут же напомнил его спутник:

– Хорошо! – сказал Шагин. – Конечно, дьявол знает, что ему нужно делать.

– При чём тут дьявол?

– Как же? Вот сюда вознёс он Христа и показал Ему все царства мира. Вот они перед нашими глазами... [Там же, с. 92].

В рассказе «Шагин Хадля» христианское прошлое встречается с дохристианским: пещера, в которой находят пристанище герои, оказывается частью финикийского капища Ваала. Вслед за упоминанием Ваала появляется греческий бог Пан, которому чуть позднее на этом месте поклонялись древние греки. Здесь же возникает и легко опознаваемая отсылка к Ф. Ницше:

Трудно выбрать более подходящее место для поклонения этому жизне-радостному богу, богу-пастуху, богу весеннего веселья. Взглянешь с этих немых утёсов крутом на Божий мир, расстилающийся под ногами, и поневоле воскликнешь:

– Жив, жив великий Пан!..

Должно быть, при греках лесистые окрестные горы и долины и самый Гермон были ещё более красивы [Там же, с. 93].

Этому ощущению пробуждающейся радости не препятствуют ни жара, ни трудности высокогорного подъема, ни накопившиеся за столетия хлам и мусор внутри пещеры.

Примечательно и всё многообразие видов экзотической горной природы сирийской долины и отрогов горного Ливана. Так, в рассказе «Англичанка» повествователь и его спутник, русский инженер Петр Сергеевич Сычев, отправляются полюбоваться на древности Баальбека – еще одно знаковое для библейской истории место. Живая современность представляет главный предмет восхищений Сычева, и это – очевидная антитеза тому, что видел повествователь в «Шагин Хадля». Здесь акцентируются приметы сегодняшней жизни: от черепицы крыш до жуков-пароходов:

Пётр Сергеич высунулся в окно вагона и любовался расстилавшейся внизу картиной. Дома разбросаны по горам в беспорядке, точно игральные кости; их красные черепичные крыши ясно вырисовываются на зелени деревьев и серых скалах. В бейрутской гавани, точно чёрные жуки и мухи по стеклу, ползают морские пароходы и лодки [Кондурушкин, 1908, с. 51].

Следует заметить, что в середине 1900-х гг. характер презентации библейского дискурса в текстах Кондурушкина становится иным. Это связано с теми переменами, которые происходят в его жизни и в жизни России: возвращение на Родину, Русско-японская война и последовавшая за ней революция заставляют писателя смотреть на происходящее по-новому, усиливают апокалиптические и эсхатологические мотивы в его прозе. Непосредственный свидетель стачки железнодорожников в Иркутске, Кондурушкин посвящает ей рассказ «Забастовка», в 1906 г. в Санкт-Петербурге вышедший отдельным изданием с подзаголовком «Рассказ из сибирской жизни». Здесь близкий автору герой-рассказчик, упоминая «первого социалиста» Иисуса Христа, мученическую самоотверженность его сподвижников, размышляет и о страшной силе народного гнева, и о возможности избавления народа от «ков прошлого», и о необходимости изгнать из себя внутреннего раба. Несложно заметить, насколько совпадает с основной темой повести «Моисей» внутренний монолог героя:

... как можем мы отречься от старого мира, если он в каждом из нас, он – наша природа, природа целых десятков поколений! Мы родились и умрем рабами <...> Только наши дети и внуки не будут знать рабского страха перед светлой пуговицей, перед всяким правительственным учреждением до винной лавки включительно [Кондурушкин, 1910, с. 232].

Расширение контуров библейского дискурса происходит в прозе Кондурушкина, непосредственно связанной с художественной реализацией ветхо- и новозаветных сюжетов. В повести «Моисей» эти границы определяются не столько художественно-эстетической, сколько прагматической установкой автора. Обращение к фигуре Моисея неизбежно превращает дискурс в библейский. Здесь прежде всего важен набор художественных приемов, которыми пользуется автор для создания библейской атмосферы и библейского хронотопа. Мифоисторическое время предания начинает работать по умолчанию, и тот же самый пейзаж, библейское прошлое которого в сирийских рассказах было необходимо обозначать специально, здесь воспринимается как библейский с самого начала. Примечательно, что именно на контрасте настоящего и прошлого выстраивается вступление к повести «Моисей» с выразительным заголовком «Видения жизни».

Неподвижный, отмеченный безвременьем пейзаж сегодняшнего дня обретает мифоисторическое измерение. Кондурушкин населяет его живыми образами и тем самым создает глубоко пронизанный библейской историей хронотоп. Традиционная для малой прозы Кондурушкина вводная часть обретает особую патетику и символизм:

Я кружил по скалистым, таинственным берегам Мертвого моря. И в душе моей возникали видения мглистого прошлого.

Днем, в сверкающей дали, видел я бесконечные толпы народа. Томимый голодом и жаждой идет он по раскаленной пустыне, идет – ищет обетованную землю, свободную родину.

Ночью слышал я голоса прошлой жизни, таинственные голоса из глубины веков [Кондурушкин, 1910, с. 3].

Романтическая поэтизация в процессе погружения в далекое прошлое должна, по замыслу автора, создавать особую атмосферу, которой постепенно надлежит проникнуться и читателю. Последнего должны убедить авторские интуиции, то ощущение реальности мифа, на котором в значительной степени выстраивается повесть:

Так на каждом месте обжитой земли возникают в нашей душе видения прошлой жизни <...> В тихие часы ночи вспоминают прошедшие века Звезды и Луна, вершины гор, ущелья и долины.

Так видел я тебя, Моисей, в пустыне. Всё это слышал я ночью в горах вокруг таинственного провала Мёртвого моря.

И Море видело и слышало тебя [Там же, с. 3–4].

То, что герой-повествователь видит в сирийских рассказах, в «Моисее» появляется вновь, овеянное дымкой седой древности, но от этого не перестающее быть узнаваемым:

В глубоком провале еще одето синим стеклом Мёртвое море. Но вдали одна за другою, точно факелы, загораются каменные вершины. А над ними, рассылая во все стороны искры, как только что вынутый из горна кусок железа, поднимается сверкающее солнце.

На далеком севере проступают легкие очертания ало-голубой громады Гермона [Там же, с. 44–45].

Именно на этом фоне разворачивается история Моисея, представленная в один из ключевых моментов «Исхода», когда выведенные им из Египта соплеменники останавливаются на границе Земли обетованной.

Ранее не использовавший многофигурные композиции с большим количеством участников Кондурушкин идет по пути максимального насыщения повести персонажами, каждый из которых воплощает определенный тип идущих вместе с Моисеем. Огромный человеческий муравейник настолько живописен, что позволяет читателю «увидеть» картину людского моря, которое плещется на этом сравнительно небольшом пространстве. В значительной степени воспроизводя поэтический речитатив Ветхого Завета, автор в подробностях рисует располжившийся в горах лагерь:

На высокой вершине стоит скиния. Точно устала от дальнего полета и раскрылась на камнях большая птица. Оттуда видна темная полоса

Мёртвого моря. Ветер с трудом зыбит тяжелые волны. Они плещутся об острые берега с глухим, таинственным шумом.

А вокруг этого провала в сине-алой дали на западе и востоке, севере и юге толпятся, выглядывают друг из-за друга серые вершины Хананейских, Моавитских и Идумейских гор [Кондурушкин, 1910, с. 5]

Он стремится к максимальной точности воспроизведения библейских реалий:

Вокруг скинии – палатки левитов. Ниже, окутывая подножье, начинается израильский стан. С юга – рослые, дикие пастухи рувимляне; с запада – ефремляне; с севера – колено Даново, и с востока – иудеи. А за ними по горам и долинам полегли остальные еврейские племена [Там же].

Изображение еврейского стана позволяет представить всё разнообразие вышедших из Египта людей: не только евреи, но и примкнувшие к ним по дороге негры, эфиопы, арабы. Несколько поколений – от ветхих стариков и суровых мужчин до молодых женщин и маленьких детей – находятся в состоянии смятения: испытания, выпавшие на их долю в пустыне, настолько велики, что народ начинает роптать и вспоминать о рабстве почти с умилением. Вот как говорит об этом один из противников Моисея, шейх Дафан, подбивающий народ на бунт:

Припомним, когда мы восстали. Застонал Египет, остановился от страха Нил, и криками нашими наполнилось небо. Я думал: настало время отомстить нашим мучителям. Я думал: мы завоюем Египет, захватим богатства... Египтяне станут нашими рабами, а мы – царями <...> А вместо того, богоизбранный Израиль, мы пошли в пустыню искать какого-то нового отечества [Там же, с. 14].

По замыслу автора, важную роль в повести играют два персонажа – уродливый фигляр и певец Фузи и слепой мудрец Махли, в словах которых передается все многообразие представлений о Моисее. Если для Махли он – спаситель, ведущий народ к новой жизни, то для Фузи – хитрец и обманщик, искуситель, преследующий собственные интересы.

В целом образ Моисея соответствует тому, что говорится о нем в книге «Исход», однако Кондурушкин насыщает мифоисторическое повествование яркими и убедительными деталями, психологически точными мотивировками поступков. Неустойчивость психики скитальцев такова, что они бросаются из крайности в крайность: то возвеличивая Моисея и сокрушая его врагов, то оплевывая и подвергая поношению своего недавнего кумира.

Значительный интерес для автора представляет образ народа как единого народного тела. Избавление своего народа от рабства для Моисея – единственная в жизни цель, ради которой он готов пожертвовать всем, включая собственную жизнь. Сорокадневное стояние на границе заканчивается тем, что Моисей вновь уводит евреев в пустыню, чтобы истребить в последующие десятилетия всё еще присутствующий в его соплеменниках «рабский дух Египта». Вернуться на родину отцов смогут только новые поколения, не имеющие опыта рабской жизни. Примечателен финал повести: его символизм сочетается с реалистичностью картины того «черного мира», который оставляет ушедший народ. При этом в версии Кондурушкина счастливый конец истории, рассказанной в Ветхом Завете, не очевиден:

Пустыня лежала обесчещенная, загрязненная, брошенная. Но меж пустынными горами, в огаженных ущельях долго чудился чей-то невнятный шепот.

Над кучами камней уже летали тяжелые вороны.

Смеялись, показывая друг другу зубы серые, ненасытимые. Откапывали и рвали трупы гиены и шакалы.

Змеи, скорпионы и ящерицы долго и недоверчиво озирались по сторонам, шмыгали от камня под камень. Черные могильщики собрались откуда-то дружною стаей, обжились в каменных курганах, ночью ели трупы, а днем выползали греться на раскаленных камнях [Кондурушкин, 1910, с. 76–77].

Вскоре после завершения работы над «Моисеем» Кондурушкин предпринимает попытку создать произведение на евангельский сюжет. В ноябре 1908 г. он пишет Горькому о своем замысле: «Мечтаю написать последнюю неделю жизни Христа и Иерусалим. Одной из центральных фигур около Христа будет Иуда, но не тот туманный андреевский Иуда, а Иуда – иудей того времени, борец за народную свободу, по-нынешнему – революционер» [Переписка..., 1988, с. 964]. Повесть, однако, не была написана. Возможно, в этом сыграла свою роль негативная реакция Горького, или же писатель не нашел тогда художественных решений, которые позволили бы ему убедительно воссоздать «иудея того времени».

Предложить новую интерпретацию евангельской истории автор смог несколько лет спустя в повести «Потомки Царя Иудейского». В ней происходит окончательное оформление библейского дискурса: Кондурушкин предпринимает попытку перейти от собственно мифоисторического вектора повествования к реконструкции исторической повседневности. Сюжет повести лишь косвенно связан с евангельской историей: через полвека после того, как в Иерусалиме был распят Христос, из Рима приходит императорский приказ доставить потомков царя иудейского в столицу империи. Небольшой отряд легионеров под командованием старого служаки-центуриона направляется в далекую палестинскую деревню, чтобы найти там внуков брата Христа Иуды. История разворачивается на фоне всё тех же ландшафтов, но с более четкой географической привязкой:

Центурия римских воинов на усталых лошадях подъезжала к деревне Кура, за Тивериадским озером.

День был жаркий. Камни раскалились. Но к вечеру осенний воздух быстро тяжелел, ложился на камни росой <...>

Тивериадское озеро подернулось синим туманом. Туман густел, белел, одевал голубое зеркало озера в каменистых берегах белым пушистым покровом [Кондурушкин, 1917, с. 3].

Несложно предположить, что это описание вполне могло быть перенесено в любой рассказ или очерк Кондурушкина о сегодняшнем дне Палестины и Сирии, замени он римских легионеров русским путешественником и его сирийскими спутниками. При этом для автора важнее работа с историческими деталями, делающими библейский дискурс менее символичным и более достоверным. В этом смысле ему в равной степени удаются и внутренний монолог центуриона, и образы смятенных селян, не понимающих причин появления отряда. Портрет центуриона напоминает картинку, которую можно встретить на улицах Дамаска или любого восточного города:

У него было рыжее веснушчатое лицо, голова четырехугольная, одета медным шлемом, как окованный медью ларец уличного менялы.

И мысли в голове сотника были такие же разменные и простые, как в ларце менялы разменные деньги [Кондурушкин, 1917, с. 4].

Не менее выразительны и портреты несчастных потомков Иисуса, объятых ужасом от обвинений:

Потомки иудейского царя подходили к сотнику испуганные и робкие. Щурились от света костра, шевелили мохнатыми бровями, торопились подойти, но и прятались друг за друга <...> Глядя на них, сотник удивился [Там же, с. 10].

Одновременно кажущиеся трагическими повороты повествования приобретают неожиданный комический оттенок:

Когда Симан, Якуб и Хиллель узнали, что в их роду был такой самозванец, который назывался царем иудейским и Мессией, и потому кесарь требует их, его потомков, теперь к себе, они бранили этого своего предка, говорили, что они мирные и благочестивые евреи и не отвечают за других предков [Там же, с. 13].

Комическая нота сохраняется в повести до самого финала. Автор не просто хотел противопоставить традиционной торжественности евангельского сюжета его пародийный антипод, но стремился выстроить новый тип повествования, реальная повседневность которого воплощается в серии полукомических эпизодов. Бедные селяне, никогда не выезжавшие за пределы своей деревни, открывают для себя новый мир и, несмотря на ощущение непонятной угрозы, которое сохраняет-ся в их душах, принимают этот мир с радостью и удивлением.

Примечательно описание общей реакции братьев, точно передающее происходящую в них перемену настроения:

Якуб ехал на рослом черном осле. Он был убит горем, вздыхал, плакал и в течение первого дня не хотел даже есть <...> Но на следующий день успокоился, привык к воинам, и они не казались ему страшными. Новые села и города развлекали его и приводили в восторг. А когда с Галилейских гор он впервые увидел безграничное море и сверкающую на воде солнечную дорогу, уходящую в голубую даль, то пришел в восторг, пел песни и благодарил кесаря за то, что он вспомнил о нем, Якубе Нажжаре, вывел его из Куры и показал красоты земли и моря. А то он так бы и помер в Куре, ничего не выдав.

И все трое весь день радовались, как дети, пока ехали вдоль моря до Тира [Там же, с. 17].

Несложно заметить, что мифоисторический нарратив по ходу повествования превращается в исторический. Кондурушкин стремится, совмещая миф, историю и повседневность, сделать их максимально понятными и близкими для читателя. В этом смысле потомки царя иудейского по своему характеру и психологии почти не отличаются от героев его сирийских рассказов. За прошедшие без малого две тысячи лет эти люди почти не изменились, по-прежнему оставаясь один на один со своими повседневными бедами и заботами, и даже грандиозное событие, такое как касающийся их приказ императора, не может до конца разрушить привычный ход вещей. Видимо, это и имел в виду автор, оставляя финал открытым. Читатель

расстается с героями повести в тот момент, когда потрясенный не меньше сотника видом представших перед ним «фелляхов» проконсул отдает приказ поместить их в темницу. И это не попытка расправиться с потомками царя иудейского, но страстное желание старика-сенатора взять некую паузу, чтобы осмыслить всю странность и необычность происходящего.

В этом контексте можно предположить, что само название повести несет характерную для авторской версии библейского дискурса амбивалентность. Казалось бы, торжественный, вполне евангельский тон заголовка по ходу повести обретает комический подтекст, поскольку в выведенных в ней потомках царя иудейского нет ни символизма, ни пафоса библейских героев. В них присутствуют только акцентированная простота и незамысловатость обычных людей. В связи с этим уместно напомнить замечание В. Г. Короленко о Моисее, высказанное в письме автору: «Главный недостаток: недостает Моисея <...> есть добрый старичок, на которого налепили шутовские побрякушки, плюют на него, а он их только жалеет. – Это не Моисей» [Короленко, 1936, с. 190]. Вряд ли мысль Короленко до конца справедлива, однако отмеченные им простота и обыденность героя повести легко проецируются на других библейских персонажей Кондурушкина. Соответственно, опыт второй повести свидетельствует об обращении к образам «простых мужиков» в границах библейского дискурса как осознанной авторской стратегии. В отличие от «Моисея», где библейский миф остается в границах мифоистории, в «Потомках Царя Иудейского» на первый план выходит рассказ об обычных людях, в силу трагического стечения обстоятельств попавших в водоворот исторических событий. Это не миф, но повествование об обыденной жизни на фоне и в контексте мифа, при котором обыденность для автора важнее, чем ее мифоисторические контексты. Тем самым и персонажи библейского текста, и герои ближневосточной прозы оказываются в едином пространстве Палестины и Сирии, воссоздаваемом в творчестве Кондурушкина 1900-х – начала 1910-х гг.

В заключение отметим, что библейский дискурс играет заметную роль в ближневосточном нарративе русской литературы рубежа XIX–XX вв. В творчестве Кондурушкина он обретает свои художественные особенности. В ранней прозе писателя он представлен опосредованно, отчасти контекстуально: выступает в качестве средства, помогающего читателю «узнавать» описываемые места, дает ему возможность почувствовать «седую старину» современных ближневосточных ландшафтов.

Во второй половине 1900-х – начале 1910-х гг. создание библейского дискурса в повестях «Моисей» и «Потомки Царя Иудейского» становится специальной художественной задачей и предстает частью авторской стратегии. В качестве образующих библейский дискурс элементов автором выбраны связанные с Ветхим и Новым Заветом сюжет и библейский хронотоп.

Не меньшую роль играет и выбор библейского персонажа. Если Моисей – это центральная фигура всего повествования, определяющая развитие сюжета, то персонажи повести «Потомки Царя Иудейского» призваны проиллюстрировать смену сюжетного вектора – от героики мифоистории к акцентированной повседневности повествования о далеком прошлом, разворачивающемся на фоне мифа.

Список литературы

А. К. С. С. Кондурушкин // Вестник литературы. 1919. № 7. С. 14.

Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. М., 2012. Т. 3. С. 340–504.

Владимирова С. М., Дубровская С. А., Киржаева В. П., Осовский О. Е. «Человек сирийский и серьезный...»: малоизвестные эпизоды биографии Степана Семеновича Кондурушкина конца 1890-х – 1900-х гг. // Наука, инновации, образование: актуальные вопросы и современные аспекты: Монография. Пенза, 2021. С. 169–194.

Дубровская С. А., Владимирова С. М. Степан Кондурушкин и Максим Горький: к проблеме литературных контактов в историко-культурном контексте эпохи // Вестник угледования. 2022. Т. 12, № 1. С. 37–47.

Дубровская С. А., Киржаева В. П., Владимирова С. М. Ближневосточная повседневность в журнальных очерках С. С. Кондурушкина начала XX века // Научный диалог. 2021. № 8. С. 170–184.

Завельская Д. А. Библейская тема как проекция общественных процессов: повесть С. С. Кондурушкина «Моисей» и его переписка с М. Горьким // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. № 2. С. 99–105.

Кассирер Э. Философия символических форм: В 3 т. М.; СПб.: Университет. кн., 2002. Т. 2: Мифологическое мышление. 280 с.

Кондурушкин С. С. Сирийские рассказы. Рис. Е. Лансере. СПб: Знание, 1908. Т. 1. 252 с.

Кондурушкин С. С. Рассказы. СПб.: Знание, 1910. Т. 2. 292 с.

Кондурушкин С. С. Потомки Царя Иудейского: Повести, рассказы. Пг.: Огни, 1917. 146 с.

Кондурушкина Е. С. С. Кондурушкин (Памяти мужа) // Вестник литературы. 1919. № 9. С. 13–14.

Короленко В. Г. Избранные письма: В 3 т. М.: Гослитиздат, 1936. Т. 3. 287 с.

Переписка с С. С. Кондурушкиным. Предисловие, публикация и комментарии В. Н. Чувакова. Из дневника С. С. Кондурушкина (1908) // Литературное наследство. 1988. Т. 95. С. 944–992.

Чуваков В. Н. Кондурушкин Степан Семенович // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3: К–М. С. 50–51.

Щавлинский М. С. «Храм Солнца» И. А. Бунина – неоконченный проект освоения Востока // И. А. Бунин и его время: контексты судьбы – история творчества. М., 2021. С. 934–952.

Элиаде М. История веры и религиозных идей: В 3 т. / Пер. с фр. М.: Критерион, 2002.

Ordinary Jerusalem, 1840–1940: opening new archives, revisiting a global city / Ed. by Angelos Dalachanis and Vincent Lemire. Leiden; Boston: Brill, 2018. Vol. 1. 615 p.

Imaging and Imagining Palestine: Photography, Modernity and the Biblical Lens, 1918–1948 / Ed. by Karène Sanchez Summerer and Sary Zananiri. Leiden; Boston: Brill, 2021. Vol. 3. 458 p.

References

A. K. S. S. Kondurushkin [Kondurushkin]. *Vestnik literatury*. 1919, no. 7, p.14.

Bakhtin M. M. Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poetike [Forms of time and chronotope in the novel. essays on historical poetics]. In: Bakhtin M. M. *Sobr. soch.: V 7 t.* [Bakhtin M. M. Collected works: in 7 vols.]. Moscow, 2012, vol. 3, pp. 340–504.

Chuvakov V. N. Kondurushkin Stepan Semenovich [Kondurushkin Stepan Semyonovich]. In: *Russkie pisateli 1800–1917. Biograficheskiy slovar'* [Russian writers 1800–1917. Biographical dictionary]. Moscow, 1988, vol. 3: K–M, pp. 50–51.

Dubrovskaya S. A., Kirzhaeva V. P., Vladimirova S. M. Blizhnnevostochnaya povsednevnost' v zhurnal'nykh ocherkakh S. S. Kondurushkina nachala 20 veka [The Middle Eastern everyday life in S. S. Kondurushkin's journal essays at the beginning of the 20 century]. *Scientific Dialogue*. 2021, no. 8, pp. 170–184.

Dubrovskaya S. A., Vladimirova S. M. Stepan Kondurushkin i Maksim Gor'kiy: k probleme literaturnykh kontaktov v istoriko-kul'turnom kontekste epokhi [Stepan Kondurushkin and Maxim Gorky: to the problem of literary contacts in the historical and cultural context of the epoch]. *Bulletin of Ugric Studies*. 2022, vol. 12, no. 1, pp. 37–47.

Eliade M. *Istoriya very i religioznykh idey: V 3 t.* [History of faith and religious ideas: In 3 vols.]. Transl. from French. Moscow, Kriterion, 2002.

Imaging and Imagining Palestine: Photography, Modernity and the Biblical Lens, 1918–1948. Karène Sanchez Summerer and Sary Zananiri (Eds.). Leiden, Boston, Brill, 2021, vol. 3, 458 p.

Kassirer E. *Filosofiya simvolicheskikh form: V 3 t.* [Philosophy of symbolic forms]. Moscow, St. Petersburg, Universitet. kn., 2002, vol. 2: Mifologicheskoe myshlenie [Mythological thinking], 280 p.

Kondurushkin S. S. *Potomki Tsarya Iudeyskogo: Povesti, rasskazy* [Descendants of the King of Judah: Novels, short stories]. Petrograd, Ogni, 1917, 146 p.

Kondurushkin S. S. *Rasskazy* [Stories]. St. Petersburg, Znanie, 1910, vol. 2, 292 p.

Kondurushkin S. S. *Siriyskie rasskazy. Ris. E. Lansere* [Syrian Stories. Ris. E. Lansere]. St. Petersburg, Znanie, 1908, vol. 1, 252 p.

Kondurushkina E. S. S. Kondurushkin: (Pamyati muzha) [S. S. Kondurushkin: In memory of my husband]. *Vestnik literatury*. 1919, no. 9, pp. 13–14.

Korolenko V. G. *Izbrannye pis'ma: V 3 t.* [Selected letters: In 3 vols.]. Moscow, Goslitizdat, 1936, vol. 3, 287 p.

Ordinary Jerusalem, 1840–1940: opening new archives, revisiting a global city. Angelos Dalachanis and Vincent Lemire (Eds.). Leiden, Boston, Brill, 2018, vol. 1, 615 p.

Perepiska s S. S. Kondurushkinym. Predislovie, publikatsiya i kommentarii V. N. Chuvakova. Iz dnevnika S. S. Kondurushkina (1908) [Correspondence with S. S. Kondurushkin. Preface, publication and comments by V. N. Chuvakov. From the diary of S. S. Kondurushkin (1908)]. *Literaturnoe nasledstvo*. 1988, vol. 95, pp. 944–992.

Shchavlin'skiy M. S. “Khram Solntsa” I. A. Bunina – neokonchenny proekt osvoeniya Vostoka [“The Temple of the Sun” by Ivan Bunin – an Unfinished Project for the Exploration of the East]. In: *I. A. Bunin i ego vremya: konteksty sud'by – istoriya tvorchestva* [Ivan Bunin and his time: context of life – history of work]. Moscow, 2021, pp. 934–952.

Vladimirova S. M., Dubrovskaya S. A., Kirzhaeva V. P., Osovskiy O. E. “Chelovek siriyskiy i ser'eznyy...”: maloizvestnye epizody biografii Stepana Semenovicha Kondurushkina kontsa 1890-kh – 1900-kh gg. [A man of Syria and seriousness... Little-known episodes of the biography of Stepan Semenovich Kondurushkin of the late 1890s – 1900s]. In: *Nauka, innovatsii, obrazovanie: aktual'nye voprosy i sovremennyye aspekty: Monografiya* [Science, Innovation, Education: current problems and modern aspects: Monograph]. Penza, 2021, pp. 169–194.

Zavel'skaya D. A. Bibleyskaya tema kak proektsiya obshchestvennykh protsessov: povest' S. S. Kondurushkina "Moisey" i ego perepiska s M. Gor'kim [Biblical subject matter as a reflection of public interests: novelette by S. S. Kondurushkin "Moses" and His Correspondence with M. Gorkiy]. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2011, no. 2, pp. 99–105.

Информация об авторах

Олег Ефимович Осовский, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков № 1 Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова (Москва, Россия)

Светлана Анатольевна Дубровская, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка как иностранного Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия)

Information about the authors

Oleg E. Osovskiy, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages № 1, Plekhanov Russian State University of Economics (Moscow, Russian Federation)

Svetlana A. Dubrovskaya, Doctor of Philology, Docent, Professor of the Chair of Russian as a Foreign Language at the National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 19.07.2022;
одобрена после рецензирования 29.08.2022; принята к публикации 29.08.2022
The article was submitted on 19.07.2022;
approved after reviewing on 29.08.2022; accepted for publication on 29.08.2022*